

МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

В.К. Шохин

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.13105

ФИЛОСОФСКИЙ КЛАССИЦИЗМ И СОВРЕМЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ ДУХУ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Предмет исследования – уточнение основных характеристик философского дискурса через его соотношение с другими видами теоретического знания (прежде всего с научными дисциплинами), в результате чего она характеризуется как особая теоретическая деятельность, специфика которой складывается из уникальной авторефлексивности, широчайшей конкурентности в понимании и предметов и методов самой этой деятельности, отсутствия как научной проверяемости ее результатов, так и последовательной предметности в самой постановке решаемых проблем, чем и обуславливается траектория «вечного возвращения» к «вечным вопросам». В статье определяющим являются не результаты философствования, но сама философская практика (в значении близком к тому, которое было акцентировано у А. Макинтайра). При этом для дифференциации типов философии основным оказывается вопрос – ставит ли философ перед собой задачу исследования и решения конкретных, по большей части традиционных проблем (например, метафизических) средствами общезначимой рациональности (философский классицизм) или задачу создания новозов, в которых метафоры, как правило, замещают понятия (философский авангард). Предлагаемая демаркация является новационной в области сопоставления англо-американской и континентальной философии. Автор отстаивает и тот тезис, согласно которому из современных философских трендов аналитическая традиция – как современная версия философии традиционной – в наибольшей мере способна к продуцированию «философских результатов». В статье показано, что самым значительным отечественным дефицитом является отсутствие серьезного интереса к работе над суждениями, понятиями и контрвертивными топиками, который в настоящее время восполняется имитациями постмодернистского «литературфилософствования».

Ключевые слова: философия, исследовательская деятельность, рефлексия, метафизика, контрверсия, классика, постмодернизм, аналитическая традиция, наука, литература.

1. То, что обсуждаемый вопрос о том, что есть философия, с самого начала был и является для философии в определенном смысле центрообразующим (а об этом свидетельствует хотя бы большая часть статьи «Философия» размером в очень солидную монографию в знаменитом многотомном «Историческом лексиконе философии» Риттера и Грюндера¹),

составляет специфику ее этоса. Как справедливо заметил в свое время Ф. Ферре, вопрос о том, что есть химия, никаким образом не является «химическим» (сюда можно подставить также биологию, физику, астрономию и т.д.) в такой же мере «химическим» как вопрос о том, что есть философия – философским. Потому первым различительным признаком философии и будет ее авторефлексивность. Тому, что философия на протяжении всей своей уже двухс-половиной-тысячелетней истории не расстается с зеркалом, соответствует то, что она, в отличие от

1 Kranz M., Bien G., Hadot P. et al. Philosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Hrsg. von Joachim. Ritter + und Karlfried Gründer. Bd. VII. Basel: Schwabe, 1989. S. 572-879.

Статья представляет расширенную версию доклада, прочитанного автором 17 апреля 2014 г. на открытой юбилейной научной сессии Учёного Совета Института философии РАН «Что такое философия сегодня?». Кроме автора статьи с докладами выступили В.С. Стёпин, Э.Ю. Соловьёв, В.А. Подорога, А.В. Смирнов. В первой части статьи воспроизводится сам доклад, во второй – возражения на возражения.

других разновидностей теоретического дискурса, постоянно обращается и к другим одним и тем же вечным вопросам, и это отсутствие на ее пути отрезков окончательно пройденных (поскольку она их постоянно проходит) составит вторую ее различительную характеристику. В самом деле, существует множество конкурирующих определений науки, но мы вряд ли сильно ошибёмся, признав в ней что-то вроде систематической деятельности по строительству и организации знания в виде проверяемых объяснений и предсказаний о макро- и микрокосме, которая развивается по траектории поступательного прогресса. Хотя уже со второй половины XX в. этому традиционному пониманию научного прогресса приходится выдерживать серьезную критику (при этом со стороны не практикующих ученых, а самих же философов науки), современная астрофизика все-таки не будет уже вступать в спор древнегреческих гео-, гелио- и «огнецентристов», а медицина – в дискуссии средневековых физиологов, тогда как и сегодняшние американские метафизики активно дискутируют многие из тех вопросов, которые обсуждались еще современниками Будды и референты которых относятся к сверхпытным началам². Более того, способы решения этих вечных проблем древними могут быть не только объектами современного внимания, но и критериями валидности современных решений.

Затронутые аспекты специфики философского этоса, а также те, которые ими подразумеваются, составляя их фон, позволяют дать ориентировочную общую характеристику философии исходя из ее истории как явления культуры – характеристику, которая, разумеется, не будет претендовать на статус дефиниции и будет типичным определением описательного, остенсивного типа. Речь идет о теоретической (исследовательской) деятельности, которая несет в себе такие признаки, как: (1) уникальная авторефлексивность, (2) легитимность

широкой конкурентности в понимании и предметов и методов самой этой деятельности (что следует из отмеченного многообразия в пониманиях и определениях философии в истории мысли), (3) отсутствие проверяемости ее результатов, сопоставимой с той, которая существует в точных и даже гуманитарных науках; (4) отсутствие последовательной преемственности в самой постановке решаемых проблем, сопоставимых по своему типу с теми, что присутствуют в научных дисциплинах; (5) траектория «вечного возвращения» к тем «вечным вопросам», которые составляют предметную специфику философской рефлексии. Выделенные признаки требуют комментирования, но оно будет преждевременным, если мы не определимся с фундаментальной характеристикой философии как теоретико-исследовательской деятельности. До недавнего времени данная характеристика относилась к таким самоочевидным истинам, как то, что квадрат – геометрическая фигура, и только с появлением «постфилософии» Дерриды, Рорти и их последователей (которая, на мой взгляд, может быть определена как философия словесной вседозволенности) философию стали идентифицировать и в качестве беллетристики. У нас же так вырастили даже и такой неологистический гибрид, как «литературфилософия». Если следовать этой логике, то непонятно, зачем останавливаться в (пост) модернизации философии на одних только вербальных формах, и не изобрести еще «архитектурфилософию», «философию в красках», «философию в звуках», а то и «философию морской волны» и т.п. Но эта прихотливая концепция имеет в своих первоисточках и очевидное идеологическое происхождение, поскольку очень хорошо вписывается в планомерную деятельность новых левых по «распиливанию» тех «субстанциальных форм», на которых пока еще продолжает держаться европейская цивилизация и одной из которых является сложившаяся за века система дифференцирования основных жанров культуры.

Различение философии и «постфилософии» ведет в область сравнительно-оценочных суждений. И это вполне соответствует обсуждаемой теме, так как ответ на вопрос: «Что такое философия?» для каждого философа (при отмеченном плюрализме в понимании философии в ее истории) мало отличим от ответа на вопрос: «Что такое хорошая философия?». В моем видении «хорошая философия» определима в координатах и предмета и метода. Прежде всего она предполагает, чтобы сама пред-

² Так, если мы рассмотрим повестку дня дискуссий философов-современников Будды (V в. до н.э.) и проблемы, обсуждаемые, например, в руководстве П. ван Инвагена и Д. Циммермана «Метафизика: большие вопросы» (2008), то обнаружим никак не меньше сходств (вопрос о безначальности/созданности мира, идентичности/тождестве души и тела, свободе/детерминированности человеческих поступков, бессмертии/смертности индивида), чем различий (имею в виду метафизику личности, проблему множественности миров и возможных миров и прочие, ставшие востребованными в последние десятилетия в западной философии). См.: *Metaphysics: The Big Questions*. Ed. by Michael J. Loux and Dean W. Zimmerman. Oxford: Blackwell, 1998.

метность и методология не совпадали, и потому с предметной точки зрения это такая философия, которая работает (при всей авторефлексивности философии) с определенным набором конкретных проблем, а не только с самой собой (как то имело место, например, в гегелевской системе или в гуссерлевской феноменологии при всех прочих их несходствах). «Хорошая философия» может работать и со смежными предметностями, которые находятся в ведомости того, что я предпочитаю называть «философиями родительного падежа» (философия культуры, религии, науки, образования, политики и т.д.), но «философия базовая» не может не заниматься хотя бы одним из сегментов того, что уже платоники и стоики считали основными конституентами философии, сводимыми в конечном счете к ответам на вопросы о том, как устроены сущее, благое и само познание³. А это и есть самые общие рубрики тех вечных вопросов, решения которых и составляет специфику того философского дискурса, который и в XXI в. не заменим никакими «междисциплинарными исследованиями». Хорошие же методы для меня связываются прежде всего (хотя и не исчерпываются этим) с тщательным взвешиванием тезисов и контртезисов при решении философских проблем, а также с выяснением того, где мы можем выбирать из наличных определений понятий лучшие или предлагать свои, а где имеем дело с понятиями предельными, далее не определяемыми. Нелинейный прогресс в философии может осуществляться в этом формате через «локальные» улучшения пропозиций и аргументов, а также классификаций, стратификаций и дефини-

³ Речь идёт об изначальном делении философской предметности на «физику», «этику» и «логику», которое восходит к третьему схоластику Академии Ксенократу (396-314 гг. до н.э.). Стоики развили эту «метафилософскую» схему в целый ряд наглядных сравнений, демонстрировавших органическое единство трех содержательных философских блоков. Диоген Лаэртский атрибутирует разработку этого трехчастного деления основателю Стои Зенону Китийскому, второму схоластику Христиппу, Аполлодору, Силлу, Диогену Вавилонскому, Посидонию и Евдрому. «Философия, указывают они, подобна живому существу, и логику можно сравнить с костями и жилами, этику – с мясистыми частями, физику – см душой. Подобна она и яйцу, скорлупа которого – логика, белок – этика, желток – физика; или плодоносному полю, ограда вокруг которого – логика, урожай – этика, а земля и деревья – физика; или городу, вокруг которого крепкие стены и правит которым разум» (Diog. Laert. VI. 39-41). (Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 259-260).

ций понятий. Но окончательному решению базовые философские вопросы не подлежат: я могу, например, продвинуться на несколько сантиметров, в обосновании субстанциальности и бессмертия души или новой версии теодицеи в сравнении со своими многовековыми предшественниками, но мне не удастся привести к молчанию тех, кто изначально мои доводы принять не хотят. Поэтому в распоряжении философа только аргументы, не доказательства.

Если перевести этот способ философствования в единстве с указанной его предметностью в систему современных философских трендов и брендов, то он осуществляется в аналитической традиции начиная с последней трети XX века – после закономерного и быстрого коллапса неопозитивистской программы, отрицавшей за любыми метафизическими (включая теологические и агатологические⁴) высказываниями какую-либо когнитивную значимость (в этой связи интересны воспоминания одного из оксфордских участников «битвы за метафизику» Бэзила Митчелла). Но возвращение в родной дом традиционной философской предметности очень редко сопровождается осознанием того, что и сами методы аналитической философии – прежде всего попытка установления истины через диалог пропонента и оппонента (включая абстрактного) на почве единой логики-- восходят отнюдь не к «лингвистическому повороту» в философии Фреге, Рассела, Мура и Витгенштейна, но к самим истокам европейского философского дискурса уже у раннего Платона, софистов и еще Ксенофана, тогда как в средневековье в теологических «Суммах» Александра Гельского, Альберта Великого и Фомы Аквинского мы имеем полную экспозицию той контрверсивной диалектики (включающей постоянный диалог не только с реальным, но и умозрительным оппонентом), который определяет формат сегодняшней аналитической метафизики и эпистемологии. И уж совсем мало кому ведомо, что аналитический формат имеет важнейшее интеркультурное измерение, ибо та же контрверсивная диалектика определяла саму структуру построения текстов основных жанров школьной философской письменности в Индии (прежде всего комментариев к

⁴ Суждения о благом и благах (от греч. to agathon, мн.ч. agatha). Полагаю, что термин уже «легитимизирован» после издания монографии: Шохин В.К. Агатология: современность классика. М.: Канон+, 2014.

базовым текстам, но также и специальных трактатов и учебных пособий⁵), а в трех известных мне брахманистских определениях философской деятельности (параллели содержатся и в буддийской абхидхарме) акцентируется то, что она есть исследование посредством аргументации, номинации и дефинирования понятий и осуществляется в диалоге проponenta и оппонента, тогда как элементы аналитических процедур однозначно обнаруживаются также в китайской «школе имен» и у мистиков. Из сказанного не следует, что аналитическая философия в ее нынешнем, «эмпирическом» виде безупречна. Среди ее недостатков я бы выделил и сохраняющееся пренебрежительное отношение к истории философии (прежде всего «континентальной», которая, правда, отвечает ей «полной взаимностью»), и недостаточное внимание к очень важным методологическим проблемам (например, к дифференциации «бытия» и «реальности», «культуры» и «цивилизации», «философии религии» и «философской теологии» и т.д., с которыми обращаются, как правило, лишь в качестве синонимов), и очень нередкое избыточное наукообразие, выражающееся, например, в том, что многие самоочевидные истины иллюстрируются математическими формулами. Но я не могу здесь не вспомнить пронзительного немецкого философа Фридриха Якоби (внимательно относившемуся, кстати, к сто процентному аналитику Томасу Риду⁶), который сказал о некоторых современных ему кантианцах, что они занимаются не вязанием чулка, а вязанием вязания, и то же самое сказал бы о тех больших философских стилях, в которых, как я отмечал уже, метод и составляет саму предметность (см. выше) и где очень трудно извлечь не только что решения, но и саму постановку конкретных философских проблем. Аналитические же философы в большинстве случаев все-таки стремятся «вязать чулки» – решать конкретно обозначенные задачи и делать это средствами общезначимой рациональности, то есть таким образом, чтобы их переходы от одной пропозиции к другой были логически обосновываемы, а также чтобы с ними можно было полемизировать (таковы, на мой взгляд, должны быть

релевантные принципы верификации и фальсификации для философии, а не те, которые предлагали наивные позитивисты и постпозитивисты XX в.). А потому об аналитической философии можно сказать и то, что, как хорошо известно, Черчилль сказал о демократии, а именно, что при всех ее многочисленных и серьезных недостатках остальные «философские конституции» все же очевидным образом хуже⁷.

2. Если совсем кратко обобщить мои основные расхождения с моими «официальными» и «неофициальными» оппонентами, то с моей точки зрения философия должна иметь определенные границы в своей предметности и методе (как и любая полезная жидкость должна, чтобы не разлиться, быть ограниченной каким-то сосудом), а у них она таковых иметь не должна а также что в обсуждавшейся «юбилейной теме» для меня значимо что есть философия, а для них это достаточно тривиально, а вот что она должна делать сегодня, для меня специального «вызова» не составляет, тогда как для них именно в этом основная «интрига». Расхождения, как можно видеть, весьма значительные, и я постараюсь привлечь читателя на свою сторону. На

⁷ Хотя аналитическая философия начала «заниматься самопониманием» сравнительно поздно, к настоящему времени можно говорить уже об очень солидной историографии. Среди относительно успешных характеристик специфики той философской деятельности, которую можно было бы назвать аналитической, можно, как представляется, выделить обобщение К. МакГина в книге «Становление философом: мой путь через философию XX века» (2002): «Эта традиция ставит акцент на ясности, строгости, аргументированности, теории, истине. Это не традиция, которая стремится к вдохновению, утешению или идеологии. Не связана она и с «философией жизни», хотя некоторые ее части связаны. Это такой вид философии, который больше похож на науку, чем на религию, больше на математику, чем на поэзию, хотя и не является ни наукой, ни математикой». (McGinn S. *The Making of a Philosopher: My Journey through Twentieth-Century Philosophy*. N.Y., 2002. P. XI). С. Соамс в двухтомнике «Философский анализ XX века» (2003) также хорошо передает стилистический дух аналитической философии: «В рамках этой традиции широко распространено допущение, что «философского прогресса» можно часто добиваться через усердное исследование малого и очерченного круга философских проблем, оставляя в неопределенности более широкие, системные вопросы. То, что отличает аналитическую философию XX века от по крайней мере от определенной философии в других традициях и в другие времена, это не категорическое отвержение философских систем, но скорее восприятие богатства меньших, более подробных и строгих исследований...». (Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 1. Princeton UP, 2003. P. XV).

⁵ Об иерархии индийских школьных текстов см.: Шохин В.К. Школы индийской философии. Период формирования. М.: Восточная литература, 2004.

⁶ См. об этом монографию: Чернов С.А., Шевченко И.В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М.: Прогресс-Традиция, 2010.

самом деле оба пункта расхождений взаимосвязаны, но мне удобнее начать со второго.

Настаивая на том, что философия равна себе – вчера ли, сегодня ли, завтра ли – я имею в виду то, что философская деятельность, а она есть деятельность теоретическая, не может не осуществляться в исследовании определенных утверждений и понятий, условием которого должно быть деление самих топиков (предметов) исследования до атомарных составляющих и только на основании осуществления этих функций может выстраиваться следующая компетенция – системостроительная. Большинство участников нашей дискуссии вполне предсказуемо сошлись на том, что философия есть и наука и не-наука, и мой угол зрения определяется лишь тем, что я больше фокусирую, чем остальные, внимание на том, в чем собственно та деятельность, которую можно охарактеризовать «философия-как-наука», состоит. Если выделяемые мною признаки той, выражаясь языком А. Макинтайра, практики, которая называется философией, верны⁸, то констатировать, что философия всегда равна себе – сказать не более того, что и живопись всегда продуцирует мир художественных форм в виде визуальных образов, а музыка – в виде звуковых. Поэтому сказать, что обобщаемые мною параметры философии годятся лишь для «классической философии», но не для нынешней – все равно, что сказать, будто только «классическая живопись» и «классическая музыка» работали, соответственно, с художественно организованными формами и звуками, а «современные» могут уже и с чем-то другим. Я, однако, думаю, что постмодернистские гибриды типа «литературфилософии» (см. выше) составляют современную стадию не столько философии, сколько не-философии – примерно так же, как беспредметное искусство (которое заодно и бесформенное) не столько новый тренд в искусстве (а он, кстати и не такой новый, если вспомнить об одном только Кандинском, выращивав-

шем аналогичный гибрид «музыкаживописи»), сколько в не-искусстве.

Основной протест вызвало, однако, мое представление о континуальности и философской предметности, которую я представил в виде концентрических кругов, внешний из которых соответствует «философиям-чего-то», а внутренний – базовой философской проблематике, фундамент которой, в свою очередь, составляют «вечные вопросы», тематика которых – метафизическая. Прозвучавшее же в прениях определение метафизики как «лишь школьной философии» допускает по крайней мере два ответа. Первый в том, что все наиболее серьезные оппоненты метафизики, которых считать «школьными философами» более, чем затруднительно, начинали с дезавуирования метафизики преимущественно для того, чтобы строить метафизики собственные. Кант прямо утверждал, что хотя настоящей (он подразумевал научную) метафизики пока все еще нет, обойтись без нее невозможно, и трактовал собственную трансцендентальную философию в качестве преддверия метафизики в собственном смысле слова – как «систему чистой теоретической философии». У Фихте «старая метафизика» замещается наукоучением, у Шеллинга – вначале философией тождества, а затем «положительной философией», у Гегеля «наукой логики», или «чисто спекулятивной философией», тогда как другие явно «нешкольные» философы ставили перед метафизикой новые задачи: обеспечивать целостное учение о мировоззрении и ценностях (Риккерт), фундировать содержание знания в его отношении к сущему (Вундт) и даже интегрировать опыт (Бергсон). Сам Хайдеггер, который подписал в свое время метафизике приговор как способу забвения бытия, строил собственную – как герменевтическую «историю бытия». Да и современная аналитическая метафизика, которая наследует «старой метафизике» Средневековья и Нового времени, развивает ее, работая с проблемами личностной идентичности, статусом «событий» и онтологией возможных миров, которые к «школьной философии» можно было бы отнести разве только по неведению. Из сего следует, что метафизика есть не какой-то полезный, но исторически пройденный этап философии, но, напротив, реальность вполне «трансхронологическая». Оно и понятно почему: именно метафизические проблематизации концентрируют в себе специфическое, ни с кем не делимое достояние философии (недаром античная «первая философия» объединяла ответствен-

⁸ Каждую практику, которые означает у философа больше, чем в обыденном языке, он определяет как «любую связную и сложную форму социально устроенной совместной человеческой деятельности, через которую блага, внутренние для этой формы деятельности, реализуются при попытках достичь тех стандартов совершенства, которые являются присущими данной форме деятельности и частично определяющими для нее». (MacIntyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Notre Dame: University of Notre Dame, 2010. P. 187).

ность и за начала сущего и за принципы познания), тогда как «прикладные философии» должны сейчас доказывать свое право на существование перед лицом пытающихся приватизировать их сферы междисциплинарных исследований⁹.

В том, что философия должна приносить конкретные результаты, я полностью согласен, но только не понял, в чем именно эти результаты должны или хотя бы могут состоять. Надеюсь, что коллеги не имеют в виду такие «эмпирические» результаты, как получение грантов, приглашений на международные конференции и т.п. Может быть, речь идет о том, что философия должна давать конкретные экспертные заключения по наиболее острым проблемам современности (появилась же уже «философия Майдана», значит должна быть, симметрично, и «философия Антимайдана» и т.д.), рациональной организации науки, образования, общественной дискуссии и т.д.? Но заказ на такого рода актуальность философии (и конкретных гуманитарных наук) содержится разве только в анкете эксперта РНФ (с целью облегчения дисквалификации большинства проектов как «неактуальных»), а кроме того внедрение в такого рода области жизни действительно не есть «философское дело», и если какой-то штатный философ и будет ими заниматься, то уже не как философ, а как общественный деятель. Если же речь идет о приложении «философских компетенций» к великим трагедиям новейшей истории (таким, как названные ГУЛАГ или Холокост), то собственно философская составляющая в них является более, чем традиционной, и опять-таки вполне метафизической (речь может идти тут либо об уточнении теодицеи, либо об аргументах против нее), тогда как основная тема здесь не философская, а историко-культурологическая (или, как гласит подзаголовок великой исторической эпопеи А.И. Солженицына, «опыт художественного осмысления»). Мне же представляется, что современные вложения и в такие старинные «депозиты», как количество и качество человеческих благ, различение способов существования «субъектного сущего» и «объектного сущего», стратификация уровней реальности,

вопрос о субстанциальности души, доктрина врожденных идей и очень многие другие без всякого труда можно было бы прописать по адресу собственно «философских результатов», притом отнюдь не маловажных. А если говорить о том, в какой философской традиции эта результативность может быть наиболее рельефной, то это будет все та же аналитическая философия. Потому, что только здесь возможны верификации и фальсификации исследования утверждений и понятий (в каком смысле – см. выше), а без такого рода экспертизы о результатах как таковых говорить трудно.

Наконец, полностью соглашаясь с тем, что нехорошо всю жизнь ходить в один и тот же класс, хочу отметить, что стараться все время попадать в десятый класс из первого (минуя промежуточные) еще хуже. А именно так обстоит дело с отечественным философствованием, которое всегда после изучения «азбуки» переходило сразу к «литературной критике», и здесь мне представляется более чем уместным вспомнить, в этой связи, вместе с одним очень талантливым философом и публицистом, гоголевское «Какой русский не любит быстрой езды!»¹⁰. Езда эта быстрая состояла в том, чтобы каждый раз присваивать себе новейшие тренды западной мысли, не пройдя вместе с ней нормативные пути профессиональной философии (последняя у нас сочилась очень жидкой струйкой в духовных академиях и университетах). Наше знаменитое «гостеприимство» и здесь не знало границ: в свое время «образованные и порядочные люди» становились сплошь вольтерьянцами, затем гегельянцами, потом спенсерянцами, наконец, марксистами и нищезанцами (рассказ Леонида Андреева о том, как один молодой человек покончил с собой, поняв, что не сможет стать сверхчеловеком, вполне реалистичен). Советский период остановил этот процесс только ценой ампутации самой мысли, но в постсоветский «образованные и порядочные люди» от философии начали становиться сразу постмодернистами. Причины этого неоднородны, но прозрачны. Во-первых, как очень хорошо известно, одним из важнейших источников постмодернистского философствования является близкий не одному поколению наших философов марксизм, а именно марксизм в режиме аджорнamento и был чаянием многих из тех, кого не устраивал марксизм государственный. Во-вторых, в этом стиле философствования понятия замещаются ме-

⁹ Это относится и к философии науки, и к философии религии, и к философии культуры и к другим «философиям-чего-то», которые я предпочитаю называть «философиями родительного падежа». То, что эти философии могут доказывать эти свои права, не отрицает того, что их подчас вынуждают это делать.

¹⁰ См.: Свасьян К.А. ...Но еще ночь. М.: Эвидентис, 2013.

тафорами, «алгебра» – «гармонией» (пусть часто и диссонансной), а меткий взор одного даже весьма далекого от философии русского писателя уже давно отметил, что в философии мы меньше всего интересуемся «чистой мыслью». Именно поэтому, а также потому, что и сам постмодернизм в философии, вполне в духе последнего тезиса о Фейербахе, стремится не к познанию мира, а к его изменению – правда, через изменение уже не социально-экономических отношений, а самого сознания, путем дезавуирования самих его «естественных установок», нередко через внедрение в это сознание энigmatической бессмыслицы, которую рекомендуется принимать как откровение (здесь есть частичные параллели с функцией дзенских коанов, с той только разницей, что в последних отсутствует нарциссическое многословие). Поскольку же наша

страна последний тезис о Фейербахе очень хорошо прошла на практике (в виде прежде всего того самого ГУЛАГа, к которому проявил совершенно заслуженный интерес один из участников нашего собрания), у нас есть все основания, чтобы попытаться поискать в философии, наконец, и область «чистой мысли». А значит и ходить в те «начальные классы», в которых совсем не зазорно учиться тем, кто там не доучился. В конкретный же класс современной классической философии – аналитической – мы практически еще и вовсе не ходили, о чем свидетельствует очень распространенное представление в нашей философской среде о том, будто она до сих пор считает осмысленными одни только перцептивные суждения и логические тавтологии и полностью отрицает всякую метафизику (вкупе с теологией и логикой).

Список литературы:

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986.
2. Свасьян К.А. ...Но еще ночь. М.: Эвидентис, 2013.
3. Чернов С.А., Шевченко И.В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
4. Шохин В.К. Агатология: современности классика. М.: Канон+, 2014.
5. Шохин В.К. Школы индийской философии. Период формирования. М.: Восточная литература, 2004.
6. Kranz M., Bien G., Hadot P. et al. Philosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Hrsg. von Joachim. Ritter + und Karlfried Gründer. Bd. VII. Basel: Schwabe, 1989. S. 572-879.
7. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame, 2010.
8. McGinn C. The Making of a Philosopher: My Journey through Twentieth-Century Philosophy. NY, 2002.
9. Metaphysics: The Big Questions. Ed. by Michael J. Loux and Dean W. Zimmermann. Oxford: Blackwell, 1998.
10. Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1. Princeton UP, 2003.

References (transliteration):

1. Diogen Laertskii. O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov / Per. M.L. Gasparova. M.: Mysl', 1986.
2. Svas'yan K.A. ...No eshche noch'. M.: Evidentis, 2013.
3. Chernov S.A., Shevchenko I.V. Fridrikh Yakobi: vera, chuvstvo, razum. M.: Progress-Traditsiya, 2010.
4. Shokhin V.K. Agatologiya: sovremennost'i klassika. M.: Kanon+, 2014.
5. Shokhin V.K. Shkoly indiiskoi filosofii. Period formirovaniya. M.: Vostochnaya literatura, 2004.
6. Kranz M., Bien G., Hadot P. et al. Philosophie // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Hrsg. von Joachim. Ritter + und Karlfried Gründer. Bd. VII. Basel: Schwabe, 1989. S. 572-879.
7. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Notre Dame: University of Notre Dame, 2010.
8. McGinn C. The Making of a Philosopher: My Journey through Twentieth-Century Philosophy. NY, 2002.
9. Metaphysics: The Big Questions. Ed. by Michael J. Loux and Dean W. Zimmermann. Oxford: Blackwell, 1998.
10. Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1. Princeton UP, 2003.